

Олег Губарь

Улица пробует голос

Речь пойдет о первичной застройке улицы Новосельского.

Согласно разработанной схеме, новый город состоял из двух основных блоков – форштатов, Военного и Греческого, граница меж которыми проходила по будущему Александровскому проспекту. Вскоре было принято уже деление не по форштатам, а по административным (полицейским) частям, и будущая улица Преображенская отчленила 3-ю часть Одессы от 1-й и 2-й. Получилась так, что 3-я часть почти полностью захватила всю первичную «косую планировку» Греческого форштата, а прямоугольная осталась за двумя первыми, граница меж которыми пролегла по улице Троицкой. Таким образом, будущая улица Новосельского фактически становилась продолжением Троицкой, приобретала особый статус. Она служила важной транспортной артерией, связывающей порт с одной из двух основных дорог – Тираспольской.

«Косая планировка» основной части сетки кварталов Греческого форштата Одессы в общих чертах предусматривалась проектом Ф. Де Волана и его модификациями в исполнении П. Харламова конца XVIII столетия. Тогда же на этом форштате запланировали две большие площади – храмовую и торговую. Более четко эта идея воплощена в плане Е. Ферстера, составленном в 1802-м и высочайше утвержденном в 1803 году. Окончательное оформление градостроительство получило после коррекции этого плана тем же Ферстером (1811), отвечающей военно-стратегическим задачам. Если ранее предполагалось продолжать городские кварталы Военного и Греческого форштатов дальше в степь, то теперь жилая застройка ограничивалась линией оборонитель-

ных казарм, вскоре совпавшей со второй чертой порто-франко. Таким образом, все улицы косой планировки, в том числе и будущая улица Новосельского, вели к оборонительным сооружениям, провиантским магазинам и широкой эспланаде (незастроенному простреливаемому пространству) в пределах нынешней улицы Старопортофранковской. И живем мы с вами, заметьте, именно в этой самой патриархальной системе координат, катастрофически внедряясь в старую застройку, но все равно не меняя первичной «реперной системы».

Изначально (1794) места по будущей улице Новосельского отводились, как и в других кварталах, преимущественно военным, составлявшим подавляющую часть первых одесских поселенцев. Однако застроиться сумели немногие, что и понятно. Острейший дефицит и невероятная дороговизна строительных материалов, воды, продовольствия, топлива, рабочей и тягловой силы, отсутствие хотя бы временных построек, потребных для разме-

План города 1811 г. Е.Х. Ферстера, на переднем плане – линия оборонительных казарм

щения строителей, несостоятельность большинства застройщиков, да еще и непредсказуемые переводы по службе – все это приводило к интенсивной ротации городского гражданства, сильно тормозило темпы градостроительства. Так, на плане 1802 года в кварталах будущей Новосельской улицы показано всего-навсего шесть домов, точнее, домиков, по нечетной стороне. Три из них – меж Преображенской и Тираспольской, и еще три – меж последней и Спиридоновской.

Занимательно, что некоторые из первых домишек в этих кварталах возводились, по сути, самовольно, а закреплялись за хозяевами постфактум. Так, «одесская гражданка вдова Василиса Петрова дочь Хрущова» получила владельческие документы более 15 лет спустя, на основании свидетельских показаний соседей – купцов Федора Трубина и Апостоли Карантино, мещанина Мирона Кузьмина и мещанки Марьи Крысиной.

Ситуация стала оживляться как раз начиная с 1802 года, после приезда на поселение в юную Одессу выходцев из германских государств. Это были «ремесленные колонисты», в которых здесь ощущалась крайняя нужда. Известен анекдотический случай: когда весной 1803 года герцог Ришелье прибыл в Одессу, то не сумел сыскать полдюжины пристойных стульев для своего «офиса» и был вынужден выписывать мебель их Херсона. Вообще говоря, ремесленные цеха в городе стали создаваться еще в конце XVIII века, и, тем не менее, не нашлось ни одного умелого столяра, мебельщика. Та же история со слесарями, токарями, каретниками, кузнецами, седельщиками и проч. По этой причине администрация принимала переселенцев, насколько позволяли возможности, приветливо.

Из архивных документов явствует, что в 1805 году в Одессе началось сооружение домов специально для немецких колонистов, инициированное Ришелье и высочайше утвержденное 20 февраля 1804 года по докладу министра внутренних дел. Единообразные скромные дома по подряду строили одесские купцы братья Василий и Петр Ефремовы, надорвавшие пупок на этом контракте и угодившие в неисправные должники. Как видно из плана, составленного городским архитектором Ф. Фраполли в 1807 году, сказанные постройки занимали целый квартал по будущей Но-

восельской улице, примыкающий к одной из намеченных предыдущими схемами площадей. Ныне это квартал, ограниченный улицами Дворянской, Нежинской и Торговой, где угловое место занимает музыкальное училище. Он заключал в себе 20 мест и столько же однотипных домов, из коих собственно по будущей Новосельской располагалось восемь, а всего на всем протяжении улицы мы видим уже 30 сооружений.

Уточняя. Строительство колониетских домов осуществлялось в 1805 году за казенный счет, однако фактически это была очень мягкая долгосрочная ссуда, подлежащая возврату. Ссуженная сумма раскладывалась равномерно на всех колонистов и таким же образом компенсировалась. До определенного момента колониетские дома были коллективной собственностью. Вскоре вновь прибывающими из-за рубежа или отпущенными из окрестных колоний более состоятельными или стремившимися к независимости колониетами осуществлялось, конечно, и приватное домостроительство в районе той же площади, получившей название Немецкой, или Лютеранской. Так и возникла Верхняя Немецкая колония (народный топоним) – средоточие домовладений и заведений высококвалифицированных немецких ремесленников. Синхронно формировалась и менее просторная Нижняя Немецкая колония – в окрестностях улицы Ремесленной. Здесь, однако, было свое отличие, не столько профессиональное, сколько топографическое. Поскольку улица фактически служила продолжением Карантинной балки, постольку примыкающие в неудобьях места отводились под садоводство.

В самом начале 1810-х годов назрела необходимость реализовать проект обустройства другой площади, зарезервированной на Греческом форштате. Началась застройка частным порядком, по выпавшему застройщикам жребию мест, пяти отделений Херсонской площади, так называемого Нового базара (Нового Вольного рынка, Нового Привоза). Катастрофическая чумная эпидемия нанесла Одессе очень серьезный моральный и материальный урон, однако тотчас после ее ликвидации новый рынок и его окрестности стали быстро застраиваться. К 1814 году на будущей Новосельской улице было уже 40 домов.

Судя по всему, названия Колонистская, Немецкая применительно к ней были в ходу уже тогда. Точных известий мы пока не имеем, ибо поименно в тот период известны лишь единичные улицы – скажем, Гимназская (Рибасова) и Театральная (Ланжеронова). В официальных документах помимо исключительных случаев встречается лишь деление города и соответственно домовладельческих бумаг сперва по форштатам, кварталам и местам, а затем по частям, кварталам и местам, нередко – некий гибрид того и другого. Однако, по крайней мере, 20 января 1817 года одесской соборной церкви протоиерей Иоанн Воронич в официальном обращении в Строительный комитет пишет: «Имею я надобность сделать к дому моему по *Немецкой улице* пристройку...».

Есть возможность при желании в деталях проследить буквально поименную застройку Немецкой площади по архивным данным. Скажем, летом 1808 года колонист Корнелиус Эбервейн просит об отводе под застройку мест № 568-569 в L квартале Греческого форштата. Ныне это пятно застройки домов № 3 и 5 в Лютеранском переулке. При этом товарищ (заместитель) главного судьи Конторы опекунства иностранных поселенцев надворный советник Розенкампф подтверждает состоятельность Эбервейна и его компаньона, которые имеют наличность по 150 рублей. Проситель – мастер высокого класса, и уже в январе 1809 года заключил контракт на устройство башенных часов для здешнего католического храма, по сути, первых часов такого рода в Одессе. Аналогичные сюжеты связаны со всем «кустом улиц» – Новосельского, Кузнечной, Дегтярной, Каретным переулком.

Ретроспектива насыщена теми же событиями на уровне быта, что и сегодня: новости дня принципиально мало отличаются. Где-то пожары, война, мор и глад, а где-то ссорятся, пьянствуют, предаются разврату соседи, создаются и распадаются семьи. Кто-то строит, кто-то ломает. Для конкретного, отдельно взятого за грудки человечка масштабность личной потери значимее отдаленного зарева. Сколько разных судеб уже на стадии первичного формирования вмещает улица Новосельского! Один пример.

1 августа 1810 года протоиерей Одесской соборной церкви Федор Огинский получил в Строительном комитете значительную беспроцентную (!) ссуду – 3.500 рублей, для постройки приличного дома. С этой целью ему отвели четыре места, два из которых находятся в пятне застройки домов № 67, частью № 69/71 нынешней улицы Новосельского, а два других примыкали с тыла и выходили на Нежинскую. В Одессе Огинский служил с осени 1809 года, в 1811-1812 преподавал Закон Божий и российскую словесность в Одесском благородном институте. Был он человеком широко образованным, ибо еще до рукоположения преподавал целый ряд дисциплин в Екатеринославской духовной семинарии, которую прежде окончил. Женат он был на дочери священника Феодосии Прохоровне Горонович.

Что-то в этом благочестивом семействе не заладилось. В 1814 году или чуть раньше Огинский, оставив супругу и малолетних детей, вернулся в Екатеринослав, где служил законоучителем в тамошней гимназии. 14 апреля 1815-го он почтой уведомил Одесский строительный комитет о том, что уступил жене свой дом и четыре упомянутых места, но с тем чтобы она собственными силами вернула взятую крупную ссуду. Понятно, что деньги были одолжены конкретно на обустройство и что дом переходил в собственность ей и детям, однако для возврата такого долга дом пришлось бы продать, оставшись с детьми на улице. Чем так допекла жена своего высокообразованного супруга, сказать трудно, но явно не без того.

Как бы то ни было, а Феодосия Прохоровна принялась «решать вопросы» в одиночку. Оставив за собой два места и готовые постройки по Нежинской, она уступила два других с «незавершенкой» и заготовленными материалами по Немецкой улице сотруднику Одесского коммерческого суда титулярному советнику Ивану Крицкому. Проданные материалы позволили ей компенсировать Комитету 906 рублей с полтиной, да еще 600 рублей она сумела внести наличными. Со своей стороны, Комитет уважил ее и малолетних детей (пока конкретная информация имеется только о дочери Марфе, родившейся в августе 1810-го) затруднительное положение и дал отсрочку для пополнения долга, по-прежнему не взимая проценты.

Из более поздних архивных документов я с неистребимым для бывшего советского гражданина чувством глубокого удовлетворения узнал, что «протоиерейша» выкрутилась: в пушкинское время она не просто владела тем же домом, оцененным в 10.000 рублей, но получала от частичной сдачи его в аренду 700 рублей годового дохода, что примерно соответствовало годовому же окладу чиновника ранга Пушкина. Хэппи энд, однако, вовсе не типичен в практике такого рода. Множество первых застройщиков как раз потеряло места и «незавершенки». Что касается упомянутого юриста Ивана Крицкого, он тоже из разряда удачливых, и прожил на Немецкой улице много лет.

А вот немецкому колонисту Гиссу повезло меньше, хотя времени у него было вдоволь, да и особого понуждения к застройке не наблюдается. Место на Немецкой площади ему отвели еще 1 июня 1808 года. Прошло без малого 11 лет, и в марте 1819-го архитектор Дигби нашел внутри двора около 60 фруктовых деревьев, а по площади – заложенный вскоре после отвода места дом: собственно, «одни лицевые стены высотой по окошкам», причем обветшавшие и разваленные. У другого застройщика место отобрали бы без церемоний, но колонистов уважали, и потому Комитет распорядился вызвать Гисса и спросить, может и хочет ли он застраиваться. И только после этого участок передали сыну соборного протоиерея, учителю Городского девичьего училища губернскому секретарю Петру Ивановичу Вороницу. При этом он, разумеется, должен был компенсировать колонисту оценочную стоимость деревьев и строительных материалов.

Целых десять лет строился в том же квартале колонист Христофор Мерк, получивший места в 1809 году: ныне пятно застройки домами по Новосельского, № 58, угол Торговой, № 49. Впрочем, ему удалось возвести здесь сразу два дома. В 1850-м они принадлежали уже наследникам его и представительницы другой известной немецкой фамилии, Марии Фис, и были капитально перестроены по утвержденному в Комитете новому фасаду.

К началу 1820-х Немецкая улица уже относительно хорошо застроена. Так, на углу будущей Спиридоновской находил-

ся довольно солидный дом правителя канцелярии Одесского строительного комитета Андрея Михайловича Богдановича, на совесть прослужившего в этой должности много лет. Имея сравнительно малый чин 9 класса, то есть титулярного советника (выше штатное расписание не позволяло), он удостоился орденов Святой Анны 2-й степени и Святого Владимира 4-й степени. Мало того, 7 марта 1821 года Комитет сподобился на беспрецедентный шаг: на пятилетку ссудил Богдановича 6.000 рублей без взимания процентов, «уважая долговременность службы, большое семейство и по недостаточному его состоянию». Это была целевая ссуда – на реконструкцию и увеличение сказанного дома по Ямской улице.

Впрочем, застройка в те годы не была сплошной: даже длина плановых домов по фасаду составляла шесть саженей (строения «без плана», случалось, имели протяженность в три-пять сажен). При домах складывали флигеля и постройки хозяйственного назначения, без которых невозможно было обойтись, – каретные и дровяные сараи, конюшни, ледники, погреба и проч., при некоторых – магазины (амбары). Кое-где находились «незавершенки». Во дворах устраивались садики и огороды, нередко держали коров, которых наемные пастухи ежедневно «этапировали» прямо по улицам на городской выгон, за линию оборонительных казарм. Как принято говорить, большая деревня. Площадь, задуманная де Ришелье как локальный социальный центр, много лет оставалась грязным пустырем, сельским майданом и, по тогдашней терминологии, безобразила весь район. Для построения же и оформления благолепного храма требовалось значительное материальное участие представителей немецкой колонии.

Вообще говоря, еще на исходе 1811 года для сооружения храма правительством формально резервировалась довольно значительная казенная сумма, и вскоре Ришелье назначил место на площади под его сооружение. Однако война изменила планы, все проекты, намеченные за казенный счет, заморозили. И только 12 февраля 1820 года в Одесский строительный комитет поступило прошение суперинтенданта всех евангелических церквей в Южном крае России об отводе мест для по-

строения церкви и пастората евангелической колонии Одессы. Возможно, как следствие именного указа от 29 января того же года об учреждении Комиссии для рассмотрения проекта устройства и образования в Саратове и Одессе евангелических консисторий.

7 февраля 1821-го Комитет получил прошение Совета Одесской евангелической церкви. Поскольку совет и прихожане, сообщалось в нем, собираются готовить материалы на построение Евангелической церкви, то и просят назначенное Ришелье в 1812 году место, «что на площади близ Верхней колонии, под построение упомянутой церкви кому следует предписать отвести и об отводе снабдить надлежащим свидетельством». В числе подписавшихся – тесть Ланжерона полковник Адольф Бриммер, сотрудник портовой таможни надворный советник Карл Вейс, городской полицмейстер Василий Гельмерсен, один из содержателей питейного откупа, одесский первой гильдии купец Егор Гари и другие – сплошь лица весьма авторитетные.

Едва ли кто знает, какую резолюцию наложил на это прошение 14 февраля градоначальник Н.Я. Трегубов, во всех отношениях достойнейший человек, ныне совершенно забытый, но реально сделавший для градостроительства и становления Одессы куда больше тогдашнего военного губернатора, вполне заслуженно почивавшего на лаврах и ведшего жизнь, в общем, довольно праздную. Храбрый, умелый, интеллектуальный военачальник, кавалер высших орденов, Трегубов выказал себя и выдающимся администратором, педагогом, занимался организацией торгового мореплавания по Азовскому морю, был председателем Одесского коммерческого суда, перевел знаменитую книгу Шарля Сикара «Письма об Одессе», в комментариях к которой впервые предложил идею необходимости устройства Приморского бульвара, а затем воплощал ее в жизнь. Так вот Николай Яковлевич в сердцах жирно перечеркнул фразу «на площади близ Верхней колонии» и написал: «Есть закон, что, кроме православных церквей, на площадях строить нельзя».

18 апреля в Строительном комитете рассматривалась повторная просьба Совета, причем Комитет не нашел в своем архиве

никаких следов соответствующего распоряжения Ришелье 1812 года. Надо полагать, оно было словесным. Человек самоотверженный, требовательный, но добрый и толерантный, Трегубов, выпустив пар, смирился с особыми одесскими обстоятельствами. Тем паче, задолго до этого случая уже был подобный прецедент, когда не без участия Ришелье фактически на площади целого квартала был построен католический храм, и лишь впоследствии окружение постепенно застроили.

Поэтому в определении Комитета сказано буквально следующее: «Для церкви и при ней двора назначить место на площади у среднего шлагбаума, ведущего к Городскому саду Германа, расположив оное по Колонистской улице (еще одно, или – синхронное название Немецкой улицы. – О. Г.)». К этому определению сделана собственноручная приписка Трегубова: «Срединою против Дворянской, двор же позади ее к шлагбауму, до кургана». О наличии на территории Одессы, по крайней мере, двух курганов сообщают и другие источники. Насколько можно судить, оные не исследовались археологически и были скрыты в процессе застройки города, так что неизвестно, к какой эпохе относились. Городскому архитектору Ивану Фраполли поручили вынести отвод на городской план и представить на утверждение.

16 мая 1821 года Фраполли передал в Комитет копировку места для Евангелической церкви и при ней двора «на площади к шлагбауму, ведущему к плантации, заведенной Германом». 27 мая Комитет определил: копировку утвердить и выдать документ Евангелическому обществу на построение церкви и при нем строения, надобного для церкви. Член Комитета, военный инженер Иван Круг, предписал архитектору Фраполли назначить общине место в натуре, согласно этой копировке. Наконец, 31 мая 1821 года лютеранская община получила из Комитета «Копировку для построения одесской Евангелической церкви на площади возле Верхней Колонии и Тираспольского шлагбаума», утвержденную лично Н.Я. Трегубовым.

Из этого плана видно: на Немецкой площади в тот момент было построено в общей сложности 14 небольших домов и флигелей: три – по нечетной стороне одноименной улицы, два, наиболее значительных, – по будущему Инвалидному переулку,

восемь – по будущему Лютеранскому переулку, включая угловые по Кузнечной улице. Здесь надо пояснить, что «Тираспольская рогатка» и деревянный мост находились сразу за площадью и называлась так по упоминавшейся дороге, ведущей мимо городской плантации и в целом Молдаванской слободки в направлении Тирасполя. Что до плантации (прообраз ботанического сада, о чем мало кто знает), заведенной казенным садовником Яковом Германом по указанию герцога Ришелье, то она занимала всю правую сторону нынешней Градоначальницкой улицы в направлении Водяной балки.

Реализация плана сооружения кирхи, составленного молодым Ф.К. Боффо, началась далеко не тотчас. Закладка осуществлена лишь в самом конце лета 1824-го (место более четко назначено Комитетом 20 февраля), строительство продолжалось примерно до октября 1827-го, а отделка и того дольше. В ходе строительства Боффо допустил серьезные инженерные просчеты, что на протяжении его одесской карьеры случалось неоднократно, в результате произошли обрушения, обошедшиеся в кругленькую сумму. К слову, 30.000 рублей на строительство храма были выделены в январе 1825-го из городских доходов, причем без взимания процентов. Более 35 тысяч поступили, наконец, в следующем году из столицы.

Все это время, начиная с самого водворения немецких колонистов, евангелическо-лютеранский храм функционировал во временных съемных помещениях типа хлебных магазинов (амбаров). Занимательно, что именно в таком временном храме произошло венчание графа Александра Федоровича Ланжерона с девицей Елисаветой Адольфовной фон Бриммер, о которой бы надобен разговор особый. Первичный план церковной ограды утвержден в 1832-м. Позднее, в 1839 году, к храму прирезали землю из прилегающей улицы, переулков, и в ограду вошла Лютеранская богадельня (проект того же Боффо), служебные помещения, фасады на сооружение каковых утверждены в 1841-м. В 1857-м была сделана еще одна прибавка к церкви и ближайшей приватной немецкой недвижимости (солидные дома Шмидта и Гешеля) из городской земли в переулках. Но все эти детали касаются собственно истории кирхи.

Во второй половине 1820-х Немецкая (Лютеранская) площадь и одноименная улица действительно стали одним из очагов городской деловой и культурной жизни. Сама улица была еще преимущественно одноэтажной, однако на площади близ кирхи существовало уже пять двухэтажных зданий. С одной стороны набирал обороты второй крупнейший рынок Одессы – Новый базар, с другой – к площади примыкали Кузнечный и Дегтярный ряды, в свою очередь, граничившие с Овсяным рядом и орбитой Старого базара. Эти ряды, конечно, цивилизовались далеко не сразу. Даже в мае 1815-го, когда «кузнечный квартал» соединился с ближайшими к центру, городской архитектор нашел здесь землянки, лачуги, хижины кузнецов, которые занимались своим ремеслом прямо под открытым небом. Только вообразите, что происходило впритык к площади, меж казармами и кузнями: поистине «людская молвь и конский топ», нечто из фильмов о Средневековье. Поэтому кузнецам дали полтора года, чтобы устроить приличное жилье по плану, поместив кузницы в нижних этажах, «под сводами». Более или менее приличное щебеночное «шоссе», да и то лишь по главной улице Верхней Немецкой колонии, было устроено лишь в 1836 году ввиду функционирования здесь Ремесленной управы.

Высокая концентрация лучших мастеров своего дела привела к формированию обособленных немецких ремесленных цехов и оседлости на Немецкой улице на многие десятилетия Городской ремесленной управы – ныне это место по Новосельского, № 86 (по прежней нумерации – № 82). Место и строения на нем, сперва довольно скромные, с давних пор были коллективной собственностью ремесленного общества. Здесь ремесленные головы выдавали соответствующие свидетельства на право работы мастерам, фиксировали наличие подмастерьев и учеников, устраивали ремесленные школы и т. п. Многие цеха были преимущественно немецкими на протяжении большей части всего позапрошлого столетия, например, слесарный, токарный, каретный, колбасный, трубочистов и др. Сочетание ремесленного мастерства с духовными запросами общины дало очень интересные результаты, связанные, например, с развитием музыкальной культуры в этом районе и в целом в Одессе.

Оказывается, именно здесь, «в собственном доме близ Лютеранской церкви», обосновался первый в городе фортепьянных дел мастер – Карл Гааз, который более чем успешно работал много лет, воспитав достойного преемника в лице собственного сына Карла Карловича. Трудились тут и многие другие «музыкальных инструментов делатели». В кирхе и окрестных домах упражнялись евангелическо-лютеранские певчие, обитали музыканты, в том числе учителя. Другая, уже православная певческая капелла, финансируемая непосредственно Одесским строительным комитетом, собиралась в упоминавшемся доме соборного протоиерея Воронича. Я мог бы продолжать в том же духе применительно и к более близким к нам эпохам, однако и без того ясно: «музыкальный центр» – училище, консерватория – родился именно здесь вовсе не случайно.

К слову, едва ли кому известно, что идея консерватории в Одессе и ее первичное воплощение связаны с отцом выдающегося пианиста-одессита Владимира фон Пахмана (1848-1933), преподавателем Ришельевского лицея Винсеном фон Пахманом (Викентием Пахманом). Известный как региональный цензор и специалист по римскому праву, Викентий Пахман (1793-1878) начинал свою одесскую карьеру в 1816 году учителем музыки (!) в Благородном институте, а затем в лицее. 20 октября 1819 года он сформулировал, а 20 мая 1821 года повторно изложил свои соображения Одесскому строительному комитету относительно обучения теории и практике инструментальной музыки. «Желая, сколько возможно, споспешествовать образованию Одесской консерватории, – записано в комитетском журнале, – он согласен довольствоваться положенным от Комитета жалованьем», но просит назначить ему помощника со скромным окладом, столом и квартирой. Проект Пахмана был реализован в возможном на тот момент формате, но это отдельный пространственный сюжет.

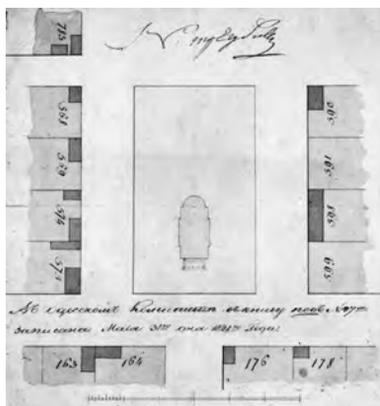
Однако вернемся к ремесленникам, и не только немецким. Вблизи Лютеранской площади находились дома и мастерские специалистов на все руки. Скажем, в 1830-х кроме музыкальных дел мастеров мы находим тут слесаря Риппа, «пятновыводителя» Роше, медников и лудильщиков Кецнера и Шнипа,

обойщиков Коломбена, Бирера, Гагештоца, каретников Шварца, Шмидта, часовщика Марибо и т. д. и т. п. Обитали на нашей улице и площади ювелиры, оптики, граверы, часовщики, переплетчики, перчаточники, шорники, бандажники, башмачники и проч. Была даже «Фабрика золоченых букв для вывесок Карла Энгельманна», помещавшаяся, между прочим, в доме того же фортепьянщика Гааза.

В целом во второй четверти XIX века при изрядной доле одеситов немецкого происхождения на улице фиксируется и весомая доля недвижимости других «одеколонов». На Ямской (в то время было в ходу и такое название, обусловленное упомянутой выше важнейшей транспортной, «обозной» функцией улицы) мы видим, например, греков Москули и Янопуло, караима Мангуби, евреев Вургафта и Ротгольца. 10 февраля 1819 года часть дома вблизи Немецкой площади, в пятне застройки нынешнего большого здания по Новосельского, № 69/71, приобрел одесский купец-караим Шелеме Исакович. По крайней мере, в 1812-м, а затем и далее на углу нынешних улиц Новосельского, № 101, и Преображенской, № 37, обитали соседи мещанин Шмуль Бовзи и купец Мендель Цвибак, причем второй лихо оттяпал у первого кусок земли. Обиженный вызвал сочувствие архитектора Александра Дигби, который без предписания Комитета зафиксировал недостачу территории, однако ж сам получил внушение от начальства за самовольные действия.

В разные годы мы видим на нашей улице представителей польской, французской, других общин и, разумеется, русских, украинцев. Расположение на этой улице немалых магазинов (амбаров) сопровождалось жительство комиссионеров по хлебной торговле (Березовский и др.). Здесь обитали и представители интеллигенции (педагоги, врачи, фармацевты, юристы, инженеры, механики), включая известного зодчего Л.Л. Влодека, построившего на Ямской собственный дом (ныне № 79), а кроме того, причт Лютеранской церкви, в том числе пробста 1-го округа. Забавны фамилии некоторых колонистов, скажем, Якова Рислинга и Карла Киллера.

Нелишне отметить, что еще со второй половины 1810-х стали отводиться и понемногу застраиваться кварталы за Но-

План местоположения евангелическо-лютеранской церкви от 31 мая 1821 г., завизированный градоначальником Н.Я. Трегубовым

вым базаром – XXIV, XXV, XXVI и др., – примыкавшие как бы к продолжению нечетной стороны Немецкой улицы, идущему под углом в соответствии с экспозицией линии оборонительных казарм. Оные кварталы прорезались формирующимися постепенно улицами Торговой, Конной, Ольгиевской, Рождественской. Так, в треугольном квартале 26, ограниченном улицами Немецкой, Коблевской и Ольгиевской, уже ранее июня 1819-го стоял дом одесского мецциана Ивана Филатова (пятно застройки

нынешнего дома по улице Новосельского, № 17), просившего о присоединении и праве застроить смежное место. Летом того же года в XXVI-м квартале, на углу Конной и нынешнего дома по улице Новосельского, № 31, строился чиновник немецкого происхождения Иосиф Меер. Позднее, в 1845-м, он возвел здесь и солидный хлебный магазин.

В 1827-1828 годах в XXIV-XXV-м кварталах было пять строений по улице, а в 1830-м – уже с десятков, на всех же остальных кварталах – порядка 60-ти. Внутри кварталов к тому времени развели немало садиков, самые значительные из которых украшали как раз XVI, где изначально находилась коллективная колонистская собственность. Этот квартал окаймляли улицы Немецкая, Дворянская, Нежинская и Торговая. В ином из здешних дворов и теперь можно наткнуться на живописные исполинские пни помнящих юность Одессы тополей, а то и на архаичный флигелек, каким-то чудом переживший лихолетье. На четной же стороне улицы довольно долго находились исключительно строения военного назначения, но это тема отдельного обстоятельного разговора. Сегодня ар-

хаическую застройку репрезентуют единичные «камешки», вкрапленные в обновленную мозаику домостроения. Это, например, одноэтажные фасадные флигеля домов № 45, 49 и 99, дающие некоторое представление о картинке улицы в пушкинские времена.

В застройке улицы и площади в разные годы принимали участие многие видные одесские архитекторы: Фраполли (например, 1808 год, первичная застройка в упоминавшемся L квартале к площади), Боффо (1831 год, в том же квартале), Козлов, Влодек, Меснер, Скведер, Клейн, Кюнер, Токарев, Чернигов, Шейнс, Шевребрандт, Прохаска и др. В реестре объектов культурного наследия – более двух десятков наименований по этой улице. О доме гимназии С.И. Видинской (ныне общеобразовательная школа № 50), что на углу Новосельского и Конной, я уже рассказывал в альманахе «Дерибасовская – Ришельевская». Позволю себе напомнить: здание построено по проекту авторитетного зодчего В.М. Кабиольского в 1908-1909 годах для предводителя губернского дворянства Н.Ф. Сухомлинова. Благороднейший человек, член попечительского совета гимназии, он и предоставил дом в распоряжение этого учебного заведения со славными традициями. Женская гимназия основана в 1891 году на базе «частного учебного заведения первого разряда» Гауэншильд-Кларк, в свою очередь, учрежденного в 1864-м и отличавшегося от прочих изучением экзотического в ту пору английского.

Гимназия считалась одной из наиболее престижных в городе и в целом на Юге. В разные годы здесь преподавал весь цвет интеллектуальной Одессы. Достаточно назвать таких поистине выдающихся людей своего времени, как крупный математик, физик, космограф Борис Федорович Цомакион, словесник Сергей Григорьевич Вилинский (не только известный педагог, но и авторитетный литературовед, автор работ по пушкиноведению, преподаватель Императорского Новороссийского университета), блестящий историк Петр Михайлович Бицилли, любимый несколькими поколениями одесситов преподаватель иностранных языков Август Альфредович Шапеллон. Рисование и чистописание в старших классах преподавал

Николай Иванович Скроцкий – представитель укорененного одесского семейства, а в младших классах – выдающий художник Павел Гаврилович Волокидин, один из самых ярких сотрудников Товарищества южнорусских художников (ТЮРХ). Математику читала представительница знаменитого рода баронесса Мария Федоровна Мейендорф, хорошая знакомая Л.Н. Толстого, проведшая жизнь подвижницы и много претерпевшая в Одессе в «смутное время». С гимназией Видинской также тесно связана судьба замечательного семейства Гамовых: мать гениального астрофизика, автора теорий горячей вселенной и генетического кода Георгия Антоновича Гамова (1904-1968) Александра Арсеньевна четверть века (!) преподавала здесь историю и географию, а в 1906 году была удостоена тут золотой медали за успехи в педагогической деятельности. Будущий мэтр тогда еще пешком под стол ходил.

Из ранней застройки нашей улицы лично мне интересен, к примеру, двухэтажный дом со службами титулярного советника К.И. Бодаревского. Корнелий Иванович служил еще при градоначальнике Н.Я. Трегубове, в 1821 году, а далее при графе А.Д. Гурьеве. Вполне возможно, пушкинский знакомец. Один из его сыновей, Иван, известен подвигом, совершенным в очень юные года во время бомбардирования города англо-французским флотом. Тогда под горячим неприятельским обстрелом подросток снабжал водой и провизией героическую батарею А.П. Щеголева. Впоследствии Иван Корнельевич дослужился до полковника и состоял старшим адъютантом командующего Одесским военным округом. Другой сын Бодаревского, Николай, – замечательный художник, академик живописи, один из видных представителей южнорусской школы, трагически погибший в 1921-м.

Недвижимость Бодаревского находилась по четной стороне нынешней улицы Новосельского, прямо на углу площади и Инвалидного переуллка, сдавалась в аренду целиком и по частям. Теперь это пятно застройки трехэтажным домом – Новосельского, № 66, и переулок Топольского, № 2. Участок «возле строящейся Немецкой кирхи» Бодаревскому отвели 10 июля 1824 года, однако у этого отвода долгая предыстория. Еще

Лютеранская церковь в Одессе. Литография 1877 г. по рисунку Р. Лангенса

в 1808-м здесь начал самочинно застраиваться немецкий колонист Иван (Иоганн) Розе (Рози), которому официально отделили соседние участки, в пределах нынешних домов по улице Новосельского, № 64-60. Колонист очень широко размахнулся, но дело не пошло дальше «начатых стен в одном углу». Ему четырежды предоставляли отсрочки для окончания домостроительства, причем 15 июля 1818 года даже передавали угловое место «для построения дома лютеранскому пастору» (очевидно, Карлу-Августу Беттигеру), но затем все-таки уважили Розе. В конце концов, терпение Комитета лопнуло, и участок передали Бодаревскому, а тот запланировал 2-этажный дом габаритами девять с половиной на пять сажен, «могущий доставить некоторое украшение площади, на которой строится уже значительное здание для Лютеранской кирхи». 4 декабря того же года плановое здание было готово и освидетельствовано Ф.К. Боффо. Занимательно, что в 1830-м наследники помянутого Розе получили-таки владельческие

бумаги на соседний дом, то есть частично, но его первичный проект был реализован.

Позднее Корнелий Иванович Бодаревский продал свой угловой по площади дом, оставив за собой другие, престижные домостроения в Воронцовском переулке, неподалеку от усадьбы знаменитого генерал-губернатора. Сохранившийся дом по улице Новосельского, № 66, построен на месте прежнего в 1890-е годы и связан с судьбой незабвенного Петра Лещенко, а для меня – скорее с памятью о недавно ушедшем из жизни талантливом художнике и керамисте Александре Дмитриеве. Здесь, во дворе, помещалась его мастерская со множеством симпатичных «гаджетов» и раритетов. Саша мечтал об установке мемориальной доски любимому Лещенко. Мечта не сбылась.

Упомянув вскользь о пребывании в Одессе Пушкина, хочу познакомить читателя с одним свежим сюжетом. Как известно, в числе одесских знакомых поэта был и знаменитый боевой генерал от инфантерии Иван Васильевич Сабанеев (1770-1829). Тот самый, что в качестве маскарадного костюма использовал собственный мундир, но при одних только иностранных орденах. Карнавал был в резиденции Воронцова, и здорово насмешившая Пушкина выходка бравого вояки пришлась не по вкусу присутствующим зарубежным дипломатам. Кто-то настучал монарху, и генералу поставили на вид.

Да, так вот известно также, что до покупки второго своего дома по улице Надежной (почему и прилежащий мост назван Сабанеевым), ранее, в пушкинское время, Сабанеевы владели другим, местоположение которого совершенно не локализуется. А ведь именно этот дом – один из неопознанных до сих пор пушкинских адресов в Одессе. Занимаясь этим вопросом в течение многих лет, я уже значительно продвинулся в его решении.

Так, мне удалось надежно установить тот факт, что хорошо известный библиофилам книгопродавец Николай Клочков ранее января 1830 года купил как раз интересующий нас дом Сабанеева «вблизи Лютеранской церкви», в котором открыл частную библиотеку для чтения, одну из старейших в городе. Похоже, Клочков познакомился с Иваном Васильевичем на поч-

ве библиофильства: библиотека Сабанеева считалась одной из лучших не только в Одессе, но и во всем регионе. Остается более точно локализовать местоположение дома и флигеля Клочкова (книгопродавец ушел из жизни в 1848-м или несколько ранее), но уже сейчас можно сказать, что находился он напротив кирхи, по Дворянской, в квартале меж улицами Новосельского и Нежинской. Не исключено, и на углу Новосельского и Дворянской.

Думаю, рано или поздно добыю эту локализацию. Важно другое: выходит, Пушкин наверняка бывал в Верхней Немецкой колонии, ступал по нашей улице, наблюдал быт колонистов и, кто знает, может быть, слушал, как здешние музыкальные мастера настраивают только что сработанные инструменты, а юные певчие пробуют трепетные голоса.

